

ИМПЕРСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И РОССИИ

Следуя логике концепции империи, автор статьи предпринимает попытку сравнительного анализа имперской идентичности Европейского Союза и России. Анализируются общие и особенные черты имперских моделей ЕС и России. По мнению автора, Брюссель и Москва руководствуются в своей политике имперской логикой, однако практикуют различные виды имперской политики, противоположные друг другу во многих отношениях. В заключении рассматриваются имперские перспективы ЕС и России.

Ключевые слова: концепция империи; имперская идентичность; Европейский союз; Россия; российско-европейские отношения.

В последнее время заметный акцент в научной литературе был сделан на возвращении империй в современные международные отношения. Ряд европейских исследователей предприняли попытки выявить имперские характеристики Евросоюза и других международных акторов [1–7 и др.]. С их точки зрения, завершение колониальной эпохи отнюдь не означало уход империй в прошлое. Определенные акторы сегодня обладают явными характеристиками имперской идентичности и руководствуются имперской логикой. При этом сторонники рассматриваемой концепции настаивают: имперскую политику не стоит ассоциировать лишь с угнетением и эксплуатацией. Наличие имперской идентичности не должно автоматически наносить ущерба имиджу и престижу отдельных государств и организаций [4. С. 507]. Некоторые из империй смогли создать либеральные порядки и стать символами мира и процветания. На сегодняшний день, по мнению профессора Оксфордского университета Яна Зеленки, в мире доминируют четыре обширные по территории империи: США, ЕС, Китай и Россия [1–4].

В связи с тем что термин «империя» получил негативную историческую коннотацию, в академическом сообществе не сложилось однозначного мнения о том, насколько приемлемо его применение по отношению к современным международным акторам. Сами империи, как правило, не видят себя таковыми. Как следствие, все современные империи характеризуются как «империи в отрицании» [4. С. 508].

Мы разделяем точку зрения о том, что концепция империи является новой оригинальной исследовательской парадигмой, которая способна изменить устоявшееся историческое, не всегда объективное восприятие термина «империя» и способствовать более позитивному пониманию имперского наследия. Концепция позволяет по-новому взглянуть на суть и содержание внешней политики отдельных стран и организаций. В настоящей статье предпринята попытка компаративного анализа имперской идентичности Европейского союза и России. Исходя из предложенных в научной литературе критериев империй, автор статьи анализирует общие черты и особенности имперских моделей Брюсселя и Москвы, рассматривает имперские перспективы ЕС и России.

Критерии современных империй. Принимая точку зрения сторонников рассматриваемой научной парадигмы, следует прежде всего обозначить критерии современных империй, прояснить, какой именно актор может быть классифицирован как империя, указать, чем он отличается от других участников международных отношений, например так называемых великих держав. По мнению Яна Зеленки, империи – это особые по природе акторы [Там же. С. 519]. Это обширные территориальные единицы, в разной степени вовлеченные в глобальную политику, обладающие широким военным, экономическим, дипломатическим и идеологическим влиянием. Среди основных критериев империй Я. Зеленка называет следующие: 1) отсутствие четких границ; 2) зависимость по линии центр – периферия; 3) наличие цивилизаторской миссии [1–4].

Отсутствие четких границ. Характер границ оказывает большое влияние на имперскую политику, во многом формируя ее. Границы определяют территорию империи и отделяют метрополию от периферии. Они могут быть относительно стабильными и изменчивыми [3. С. 292]. В отличие от обычных государств, империи, как правило, не имеют фиксированных границ [4. С. 506]. Для них характерны «мягкие границы в движении» [1. С. 475]. Как следствие, в рамках империй нет четкой дифференциации между инсайдерами и аутсайдерами, а также между внутренней и внешней политикой [4. С. 513].

При рассмотрении границ современных империй, помимо правовых аспектов, особенно важно понимать их многогранные исторические, культурные и идейные составляющие. Границы – это «часть политических убеждений и мифов о единстве и разнообразии людей, живущих на определенной территории» [3. Р. 292].

Зависимость по линии центр – периферия. Имперская политика предполагает установление контроля метрополии над периферией посредством ее присоединения/аннексии или различных форм военного, экономического, политического или культурного доминирования [Там же. С. 297]. В первом случае аннексированная территория переходит в разряд внутренней периферии. Во втором случае империи вмешиваются во внутренние дела формально независимых государств, т.е. внешней периферии. Объем, формы и характер

вмешательства, доминирования и контроля метрополии над периферией зависят от системы управления метрополии, типа границ, разделяющих метрополию и периферию, и цивилизаторской миссии метрополии [4. С. 519]. Контроль может основываться на принуждении или побуждении, или сочетании того и другого [Там же. С. 508]. Он может осуществляться военными, экономическими и культурными средствами, быть формальным или неформальным [3. С. 294]. Этот контроль, как правило, оправдывается имперской цивилизаторской миссией. Таким образом, имперская политика противоречит основным принципам межгосударственных отношений, таким как суверенитет, территориальная неприкосновенность, невмешательство во внутренние дела.

Взаимоотношения центра и периферии характеризуются материальными и нормативными асимметриями, при этом статус периферии все же может быть различным [Там же. С. 294]. Некоторым периферийным акторам предоставляются инвестиции, протекция, доступ к ресурсам и процессу принятия решений в рамках метрополии. Тогда отношения между центром и периферией характеризуются взаимозависимостью и являются более гармоничными и менее конфликтными. В других случаях периферия может быть лишена такого доступа и даже стать объектом открытой дискриминации и эксплуатации.

Наличие цивилизаторской миссии. Империи должны обладать некой цивилизаторской миссией по отношению к внешней среде. Цивилизаторские миссии и нормативные системы империй играют большую роль в формировании внешней политики. Их суть и содержание зависят не столько от материальных возможностей метрополии и ее рациональных расчетов, сколько являются следствием исторических, культурных, идеологических и моральных факторов [4. С. 519]. Миссии демонстрируют самовосприятие империй, видение ими себя и окружающего мира. Они определяют цели и приоритеты имперской политики, среди которых, к примеру, наиболее часто может упоминаться необходимость обеспечения мира и стабильности, борьбы с терроризмом, распространения просвещения, защиты прав и свобод и т.д. Миссией большинства империй, по мнению Я. Зеленки, следует признать борьбу с «варварством» на своем заднем дворе, обращение «варваров» в «добропорядочных» граждан [Там же. С. 508], а также «цивилизацию» и «институционализацию» своей периферии.

Миссии выполняют важную мотивационную, легитимизирующую и интегрирующую функции [Там же. Р. 503, 504]. Они оправдывают цели и методы имперской политики и даже жертвы, принесенные ради достижения имперских целей, придают политике моральную значимость, какой бы жестокой она ни была, генерируют имперскую гордость и славу. Цивилизаторские миссии направлены на упрочение связей между различными частями империи, культивирование лояльно-

сти и преданности периферии по отношению к центру, предотвращение периферийных бунтов. В рамках цивилизаторской миссии метрополия должна предложить периферии обоснованную версию интеграции или ассимиляции в духе свободы и взаимного процветания [Там же. С. 504].

Таким образом, по мнению Я. Зеленки, наличие вышеперечисленных критериев позволяет квалифицировать некоторых международных акторов в качестве империй. При этом, несмотря на общие качества, империи все же не являются идентичными [Там же. С. 510]. Исторический опыт во многом определяет их индивидуальный характер. Империи относятся к различным типам государств (и не только государств), имеют разные формы правления и государственного устройства в своих метрополиях и на периферии, опираются на различные формы силы и т.д. Евросоюз и Россия отвечают всем трем критериям, при этом их имперские модели противоположны друг другу по многим параметрам. Эти факторы делают ЕС и Россию интересными объектами исследования и сравнения с точки зрения концепции империи.

Границы ЕС и России. Территория и границы Евросоюза и России размыты и неопределенны, так же как и их представления об инсайдерах и аутсайдерах. Границы ЕС не лимитированы и меняются в результате постоянных расширений посредством вступления в Союз новых государств-членов. Став эффективной и привлекательной моделью, Евросоюз притягивает другие страны, которые в обмен на членство в нем готовы принимать общие для Союза ценности и принципы. Таким образом, территориальные приобретения осуществляются Брюсселем без завоеваний и аннексий. При отсутствии каких-либо притязаний ЕС присоединяет все новые страны через приглашение вступить. Каждое расширение приводит к тому, что у ЕС появляются новые соседи, которые, в свою очередь, могут стремиться к получению статуса кандидатов. Расширение рассматривается в качестве значимого элемента развития Европы как империи [1. С. 476]. Более того, процесс расширения сопровождается постоянным обновлением интеграционных процессов в Европе.

Отсутствие четкой дифференциации между инсайдерами и аутсайдерами демонстрирует европейская концепция доместикации международных отношений. Под доместикацией понимается следование одним и тем же принципам во внутренней и внешней политике: «отношение к загранице, как к дому» [8. С. 102]. Еще Франсуа Дюшен, французский политический деятель и мыслитель, отмечал, что смысл существования (*raison d'être*) ЕЭС состоит в доместикации отношений между государствами. С его точки зрения, доместикация предполагает привнесение в международные отношения сознания общей ответственности, усиление договорных основ политики, разрешение внешних, некогда «чужих» вопросов, как своих собственных, внутренних проблем [9].

Еще одна особенность Европы – несовпадение географических, административных, правовых, экономических и культурных границ. Так, границы ЕС, валютного союза и Шенгенской зоны не идентичны: членство в Евросоюзе не обязательно влечет за собой участие в Шенгенском соглашении или в зоне евро. Культурные границы Европы, безусловно, выходят за пределы Европейского союза.

Современные границы России обозначились после внезапного распада СССР. В стране сложились представления об «искусственности» новых государственных границ [10]. Нынешнее российское руководство не может смириться с геополитическими потерями, ставшими следствием коллапса советской империи, и не готово согласиться с суверенным статусом бывших республик Советского Союза. Это обстоятельство ведет к неопределенности российских границ и является причиной экспансивности российской внешней политики. Некоторые российские территории и территории соседей России спорны. Один из главных территориальных вызовов, как известно, представляет Чечня.

Необходимо обозначить проблему несовпадения государственных и этнических границ России. Проживание значительной части русскоязычного населения за рубежом является еще одним важным фактором, способствующим размыванию представлений россиян о границах. В этом смысле дополнительный свет на восприятие Москвой проблемы границ проливают понятие русского мира, концепция «разделенного народа» и идея защиты соотечественников за рубежом, введенные в современный российский общественно-политический дискурс (см. подробнее: [10]).

Русский мир выходит за государственные границы России. Под ним понимается единство всех русских людей независимо от места их проживания. Дискурс о «разделенном народе», в свою очередь, имеет более националистическую окраску [Там же]. Его сторонники делают акцент на том, что после распада СССР многие этнические русские были разделены границами и оказались гражданами других государств. Тем самым обосновывается тезис о праве русского народа на воссоединение. Данный дискурс был поддержан президентом В. Путиным, который в своем Обращении 18 марта 2014 г. заявил, что «русский народ стал одним из самых больших, если не сказать самым большим, разделенным народом в мире» [11]. Из вышеперечисленных концепций проистекает идея о необходимости защиты сограждан, оказавшихся за рубежом. Первым примером, когда Россия использовала этот тезис, были действия Москвы в августе 2008 г. в Южной Осетии и Абхазии. Затем данная аргументация была применена в связи с проблемой Крыма. В итоге в Кремле сформировалось представление о том, что суверенитет России распространяется на всех русских, где бы они ни проживали [10]. Сложившийся общественно-политический дискурс, как отмечает З. Бжезинский, приобрел особое значение для

государств, которые граничат с Россией и на территории которых проживают этнические русские [12].

Размытость границ, как в случае с ЕС, так и в случае с Россией, приводит к тому, что оба актора поглощены политикой в отношении своих ближайших соседей. Внешняя политика Брюсселя и Москвы имеет ярко выраженный региональный фокус.

Периферия ЕС и России. Определить, какие именно страны/территории принадлежат к периферии современных империй, не всегда просто. К внутренней периферии ЕС можно отнести страны Восточной Европы, особенно поздно вступившие в союз [3. С. 295]. В результате каждого расширения присоединившиеся страны из внешней периферии переходили в разряд внутренней окраины ЕС. Евросоюз, в свою очередь, импортировал разнообразие и затем направлял немало усилий на осуществление правовой и экономической конвергенции, формирование общей культурной идентичности и реформирование институтов для поддержания эффективности ЕС.

К внешней периферии принадлежат как страны-кандидаты к вступлению в Союз (Албания, Исландия, Македония, Сербия, Турция и Черногория, а также Босния и Герцеговина и Косово, которые входят в официальную программу расширения), так и те, которые на данный момент не имеют такой перспективы. В целом имперская политика ЕС наиболее очевидна в отношении Восточной Европы, Балкан и Северной Африки. Проецируя свое влияние на данные регионы, Евросоюз видит свою роль в реализации экономического, правового и институционального сближения периферии с имперским центром.

Отношения по линии центр – периферия в рамках ЕС характеризуются одновременно и асимметрией, и взаимозависимостью [Там же. С. 298]. Брюссель устанавливает экономический, политический и идеологический контроль над периферийными акторами, тем самым существенно ограничивая их суверенитет. При этом европейская модель отношений центра и периферии все же предполагает существование разделенного суверенитета [Там же. С. 296]: по мере принятия стандартов ЕС периферия получает доступ к ресурсам метрополии и процессу принятия решений. Евросоюз выступает для периферийных акторов в роли донора, оказывает им помощь в создании институтов и разработке правовых норм и, в конечном итоге, страны периферии, ставшие членами ЕС, получают почти такие же права, что и его старые участники [4. С. 514].

Статус периферии ЕС могут приобретать и географически отдаленные от Евросоюза страны, так как помимо активной региональной политики в отношении соседей у Брюсселя имеется глобальная имперская повестка дня. ЕС имеет возможности оказывать влияние на третьи страны в различных уголках мира, формировать их политику и ограничивать их суверенитет [1. С. 478].

Российскую периферию можно также подразделить на внутреннюю и внешнюю. К внутренней периферии

России, с точки зрения Я. Зеленки, относятся Дагестан и Чечня – мятежные территории в составе страны, населенные в основном неэтническими русскими [3. С. 295]. Россия отвергает право на суверенитет своей внутренней периферии, используя жесткие инструменты для ее удержания в рамках своей территории. Нам хотелось бы расширить границы внутренней периферии России, предложенные Я. Зеленкой. Российские реалии таковы, что самые разные субъекты РФ, в том числе населенные этническими русскими, чувствуют себя чем-то вроде колоний. На наш взгляд, их также можно отнести к разряду внутренней периферии.

К внешней периферии принадлежат страны постсоветского пространства. В связи с тем что современная российская империя – это преемник советской империи, ее целью является восстановление влияния и контроля над большей частью бывших территорий СССР. Москва считает себя вправе ограничивать суверенитет государств своей внешней периферии и вмешиваться в их внутренние дела на том основании, что раньше они входили в состав Российской империи, а позже – СССР. Проживание русскоязычного населения в странах ближнего зарубежья, в глазах российского руководства, также превращает их в периферию РФ. Под давлением России страны внешней периферии могут даже терять часть своей территории. Так, Грузии пришлось смириться с отделением Абхазии и Южной Осетии. Позже в состав России перешел Крым.

Ситуация в зоне внешней периферии России характеризуется все более острой конкуренцией со стороны других держав [4. С. 516]. Сами бывшие республики СССР пытаются реализовывать свои суверенные права и утверждать политическую независимость от России, развивая дружественные отношения со странами Запада и Азиатско-Тихоокеанского региона. Некоторые из них стремятся к членству в ЕС. Этот факт усиливает обеспокоенность и озабоченность России делами своего ближнего зарубежья и ведет к секьюритизации российского подхода в отношении внешней периферии. С целью контроля над периферией Россия инициировала процесс региональной интеграции, создавая Евразийский союз.

Цивилизаторские миссии ЕС и России. Имперские миссии имеют целью представить Россию и ЕС особенными, уникальными акторами, играющими позитивную роль на своей периферии и в мире в целом. Брюссель имеет четкие представления о своей цивилизаторской миссии с выраженным акцентом на моральном абсолютизме. Миссия ЕС состоит в формировании представлений о норме, экспорте европейских норм и системы управления в различные части мира, в приближении третьих стран к европейским правовым, экономическим и торговым стандартам. В ее основе лежит идея универсальности европейских ценностей.

Договоры ЕС определяют 9 фундаментальных внутренних ценностей Союза, ставших одновременно и его внешнеполитическими принципами, – это устойчивый мир, свобода, демократия, права человека, право-

порядок, равенство, солидарность, устойчивое развитие и эффективное управление. Данные нормы стали неотъемлемой составляющей европейской идентичности, а их распространение в мире рассматривается Евросоюзом в качестве одного из ключевых направлений внешней политики.

Внешиполитическая миссия ЕС нацелена на расширение зоны общечеловеческих ценностей через осуществление идейной трансформации третьих стран по примеру ЕС. Она направлена на создание таких обществ, которые признают европейские нормы и живут в согласии с ними. Лидеры ЕС надеются на то, что нормы и модель, экспортируемая Брюсселем, будут способствовать укреплению стабильности и верховенству права на периферии Евросоюза. Другими словами, стремление «воспроизвести себя», сформировать окружающий мир по своему подобию можно считать главной внешнеполитической целью Евросоюза [13. С. 249]. Тем самым ЕС «цивилизует» и «организовывает» свою периферию. Выступая в таком качестве, Брюссель видит себя просветителем, защитником прав и свобод и стабилизатором политической и экономической ситуации в мире. Зачастую европейская внешняя политика рассматривается в альтруистическом ключе, как политика, которая определяется чувством долга и ответственности и развивается под влиянием благородных целей достижения благополучия для других. Официальные лица ЕС, а также представители стран-членов активно пропагандируют имидж Европейского союза в качестве «силы во благо» в международных отношениях. При этом многие эксперты, включая И. Маннерса, критикуют определение ЕС как «цивилизаторской силы» за ярко выраженный европоцентризм [14. С. 70].

В любом случае экспорт норм стал одним из главных критериев, позволяющих говорить о Европейском союзе как об империи. ЕС легитимизирует свою политику через демонстрацию универсальности своих ценностей, эффективности своей модели и через собственную привлекательность.

Представления России о своей особой цивилизаторской миссии основываются на целом комплексе разнообразных концепций, как и в случае с ЕС, тесно связанных с дискурсом идентичности. Ключевое значение в сложившемся мировоззрении имеют идеи, обосновывающие независимость, самостоятельность, силу и мощь России как великой державы. Россия видится влиятельным центром многополярного мира. Ее имперская миссия направлена на утверждение особой роли и места страны на мировой арене, а также ее особых прав.

Российский имперский проект по «оцивилизации» внешней среды акцентирует роль Москвы в достижении стабильности и порядка в ближнем зарубежье. Его важной составляющей стала националистическая риторика о необходимости восстановления влияния России на постсоветском пространстве. Проект

предполагает «собираение земель», «искусственно» разделенных в связи с коллапсом СССР. Сегодняшняя политика Москвы в ближнем зарубежье рассматривается многими экспертами как воплощение сложившейся в стране масштабной имперской философии [10, 12].

Российская цивилизаторская миссия призвана убедить окружающих в том, что политика Москвы движима добродетельными мотивами и благородными намерениями. Военные действия на территории России рассматриваются как борьба с терроризмом и мусульманским экстремизмом, интервенции за ее пределами – как миротворческие миссии, необходимые для восстановления порядка и защиты этнических русских [3. С. 286]. Россия позиционируется в качестве стабилизирующего центра силы [Там же. С. 286; 15], который стремится к обеспечению безопасности и оказывает позитивное влияние на соседние государства, Европу и мир в целом. В этом аспекте российская цивилизаторская миссия схожа с американской, хотя, в отличие от США, Россия, в силу ограниченности ее ресурсов, менее амбициозна [Там же. С. 286].

В последнее время Москва предпринимает попытки выработать свой собственный нормативный дискурс. Ценности российского общества определяются главным образом стремлением к национальному величию. Одновременно нормативный дискурс России апеллирует к морали и строится на защите «особых», «консервативных», «традиционных» ценностей. Россия изображается в качестве бастиона нравственности, морали и важного форпоста христианства. Идея особой этической миссии страны обосновывается ее мнимым духовным превосходством над другими.

Инструменты имперской политики ЕС и России.

Для распространения своих ценностей, установления контроля над периферией и осуществления идейной трансформации нестабильной внешней среды Брюссель применяет разнообразные механизмы и инструменты, преимущественно невоенные, гражданские, экономические, политические, правовые и бюрократические. Их спектр довольно широк и включает «силу примера», «убеждение», «формирование дискурсов о норме», информационную, процедурную и открытую диффузию, «передачу».

Внешнеполитический метод «сила примера» [16] (или «инфицирование» [14]) означает, что единая Европа играет значимую роль в мире в качестве примера и образца для подражания. Под этим методом подразумевается непреднамеренная, спонтанная передача идей ЕС, вызванная лишь фактом существования Союза и желанием других акторов копировать европейскую модель. Механизм «убеждение» [16] (или «информационная диффузия» [14]) направлен на то, чтобы убедить критическую массу потенциальных реципиентов в позитивных аспектах европейских норм. Европейская стратегия распространения ценностей во многом связана с умением формировать дискурсы [16]. ЕС с успехом формирует международный дискурс в отношении

прав человека, эффективного управления, устойчивого развития и прочих универсальных ценностей.

Продвижение норм осуществляется через институционализацию взаимоотношений ЕС с третьими сторонами, например через политику расширения и соседства («процедурная диффузия» [14]). Политика расширения относится к числу особых, наиболее эффективных стратегий диффузии. Европейский способ распространения норм через интеграцию довольно уникален и отличает ЕС от США и американского варианта экспорта демократии. Продвижение норм может также являться следствием физического присутствия ЕС, его институтов или государств-членов в третьих странах или международных организациях («открытая диффузия» [Там же]).

Представляя собой внушительную экономическую силу, способную формировать глобальную торговую политику и финансы, ЕС эффективно использует экономические рычаги для достижения своих целей. Распространение европейских норм происходит вследствие развития торговли, обмена товарами, в ходе оказания Евросоюзом различных видов помощи, через материальные и финансовые средства (механизм «передачи» [Там же]).

Механизмы ЕС обладают большим трансформационным потенциалом и способны достаточно эффективно менять поведение и практики третьих стран. Некоторые из вышеперечисленных механизмов представляют собой не прямые формы воздействия на реципиентов («сила примера», способность формировать дискурсы). Другие предполагают, что Брюссель играет активную роль в продвижении своих ценностей. Чтобы заставить третьи страны жить в соответствии с европейскими нормами, ЕС побуждает или принуждает к их исполнению через различные механизмы поощрения и наказания. Главным образом стратегия ЕС состоит не в том, чтобы сдерживать беспокойных соседей или отгораживаться от них, а в том, чтобы сблизиться с ними, создать общую зону процветания, установить дружественные и долгосрочные правовые, экономические и дипломатические отношения.

ЕС имеет в своем арсенале и военные инструменты. Ограниченные военные контингенты Союза участвовали в нескольких операциях. Военные инструменты были, в частности, применены в Косово. ЕС, однако, испытывает недостаток эффективных средств принуждения и не обладает ресурсами для проецирования своей мощи за рубежом в стратегической манере [3. С. 289]. Полицентричность Евросоюза не позволяет Брюсселю иметь отчетливую международную стратегию, подобную американской или российской. Сложный межправительственный переговорный процесс ЕС лишает его возможности предпринимать быстрые, необдуманные и односторонние шаги на международной арене, особенно по вопросам вооруженного вторжения в другие страны. Одновременно политическая система ЕС способствует сотрудничеству и мирному разрешению

конфликтов. Не имея шансов реализовывать свою политику в духе Томаса Гоббса или Никколо Макиавелли, Брюссель действует в стиле Гуго Гроция и Иммануила Канта [Там же. С. 297]. Более того, преодоление силовой политики стало важной внешнеполитической миссией ЕС.

Если европейцы «с Венеры», то русские – несомненно, «с Марса». Россия является военной державой, обладающей значительным ядерным арсеналом. Россияне склонны искать быстрые и радикальные ответы на сложные вопросы, и эти ответы зачастую опираются на инструменты жесткой силы. В Кремле уверены, что международная среда формируется мощными военными державами, способными применить силу. Военный потенциал рассматривается в качестве необходимого условия для успешной интеграции России в современную систему международных отношений.

Существуют явные расхождения в российских официальных внешнеполитических документах в отношении роли и значения военной силы. С одной стороны, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации призывает к снижению роли силовых факторов в международных отношениях [17]. С другой стороны, Москва выражает намерение поднимать престиж военной службы, совершенствовать вооруженные силы и военную организацию государства, развивать оборонный потенциал и военную инфраструктуру, а также выделять на эти цели достаточный объем финансовых ресурсов [Там же]. В документе отмечается, что Россия стремится к сокращению ядерных вооружений в мире и намерена избегать конфронтации и гонки вооружений с Соединенными Штатами. При этом утверждается, что страна «должна обладать ядерными силами, способными гарантированно обеспечить нанесение заданного ущерба любому государству-агрессору», и с этой целью Россия планирует сохранять свой стратегический ядерный потенциал [Там же]. Авторы стратегии рекомендуют не идти на сокращение ядерных боеголовок и поддерживать паритет с США в области стратегических наступательных сил. Официальные внешнеполитические документы России демонстрируют растущие амбиции Москвы и отражают довольно противоречивую роль страны в мировой политике. Антизападная риторика используется для оправдания возвращения России к силовым методам и подходам.

Москва опирается на жесткие инструменты в попытке отстоять стратегические интересы в зоне своей периферии. Помимо военных инструментов, это энергетические ресурсы. Чтобы удержать контроль над мятежными территориями внутренней периферии (Дагестан и Чечня), Москва неоднократно прибегала к помощи армии. Используя военную мощь и политику ценообразования на газ, она контролирует и государства ближнего зарубежья. Россия располагает военными объектами на постсоветском пространстве (Абхазия, Южная Осетия, Армения, Беларусь, Киргизия, Казахстан, Таджикистан и Молдавия). Согласно Стратегии национальной без-

опасности, присутствие российских вооруженных сил в конфликтных регионах способствует «поддержанию стратегической стабильности и равноправному стратегическому партнерству» [Там же].

Большой акцент на военной составляющей оборачивается серьезным ущербом для экономического развития империи [18]. Империя зарекомендовала себя в качестве посредственной экономической силы, не способной к модернизации и существенному экономическому росту. Ее экономика никогда не могла обеспечить даже внутренние потребности населения. Примечательно то, что слабость экономической базы никогда не являлась сдерживающим фактором для России и не ограничивала ее имперские амбиции [18].

К сожалению, инструменты «мягкой мощи» не нашли широкого применения в России. Москва не имеет достаточного потенциала для формирования такой нормативной повестки, которая могла бы пользоваться большой поддержкой в мире и оказывать существенное влияние на международную среду. Признавая ограниченность экономических и культурных возможностей России, российский политолог Сергей Караганов считает, что стране удастся играть более значимую роль в мировой политике «благодаря ее воле и опыту» [15].

Так же как и в случае с ЕС, стиль российской имперской политики во многом предопределяется сложившейся в стране политической системой. Централизованная и иерархическая структура управления России позволяет ей выступать в роли «стратегического» актора и проецировать свою силу за рубежом. Централизация очевидна, в частности, в области внешней политики и обороны. Однако такая система далеко не всегда способствует принятию обдуманных и взвешенных внешнеполитических решений.

Инструменты, применяемые Россией, имеют существенные недостатки. Любые военные вмешательства, помимо финансовых затрат, влекут за собой человеческие страдания и зачастую не дают положительных политических результатов [3. С. 290]. Использование энергетических ресурсов как рычага политического давления подрывает доверие к России как к надежному экономическому партнеру. Реализация *гоббсовской модели* политики ведет к тому, что Россия все больше воспринимается как угроза для безопасности Европы.

ЕС и Россия: общее и особенное. Концепция империи предполагает, что Россия и Евросоюз разделяют общие имперские характеристики. Они обладают значительной территорией и, в то же время, имеют неопределенные, размытые границы. Проблема размытых границ вносит неясность в представления Брюсселя и Москвы о периферии и о том, какая территория и какие народы принадлежат к ядру империи. Это обстоятельство ведет к взаимозависимости центра и периферии и является причиной глубокой вовлеченности ЕС и России в дела своих ближайших соседей. Евросоюз и Россия вмешиваются в политику своих периферий, используя для этого значительные ресурсы. Они руковод-

ствуются имперскими миссиями по «оцивилизации» внешней среды. В попытке оправдать свою политику они убеждают окружающих в том, что их действия движимы моральными и благородными мотивами. В отличие от США, чьи стабильные границы позволяют Вашингтону иметь подлинно глобальный взгляд на международные отношения, для Брюсселя и Москвы характерна скорее региональная перспектива [4. С. 513]. Региональный фокус внешней политики не исключает того, что Россия и ЕС видят себя в качестве ключевых глобальных игроков, которые стремятся к миру, стабильности и многостороннему сотрудничеству и намерены участвовать в принятии важнейших решений общемирового значения.

С одной стороны, тезис об имперской идентичности Евросоюза позволяет оспаривать идею уникальности ЕС как международного актора и сравнивать Союз с другими современными империями [3. С. 281]. С другой стороны, очевидно, что империи не похожи друг на друга и практикуют различные виды имперской политики [4. С. 510]. Европейский союз и Россия представляют собой отличные имперские модели, противоположные друг другу во многих отношениях. Формы правления в России и ЕС, инструменты и механизмы, на которые они опираются в своей внешней политике, характер взаимоотношений центра и периферии имеют мало общего.

В европейской научной литературе ЕС характеризуется как «постмодернистская», «космополитичная», «нормативная», «неосредневековая» или даже «неимперская» империя [3, 5, 6, 19], для которой характерен особый стиль внешней политики. Современная европейская империя, в отличие от империй XIX в., основана не на «национальном размежевании и завоевании, а на преодолении национальных границ, принципе добровольности, консенсусе, транснациональной взаимозависимости и политических преимуществах, происходящих из сотрудничества», – считают авторы концепции космополитичной империи [6. С. 53].

Модель имперской политики Москвы контрастирует с политикой Брюсселя. Россия представляет собой пример авторитарного империализма. Она пытается играть роль традиционной великой державы и использует жесткие инструменты давления на периферию. Жесткий стиль имперской политики России противопоставит мягкому европейскому, авторитарный империализм – нормативному империализму. Неудивительно, что Россия (наряду, впрочем, с другими имперскими акторами – США и Китаем) зачастую видится в качестве «другого» Европейского союза [3. С. 281], антиподом ЕС.

Возникает закономерный вопрос о столкновении имперских моделей, имперских интересов и ценностей России и Евросоюза. Эта проблема приобрела особую актуальность в последнее время. ЕС и Россия имеют общих соседей, а значит, разделяют общее пространство «внешней периферии». Конкуренция в рамках

одной и той же территории провоцирует серьезные конфликты. Россия негативно воспринимает программы развития интеграционных связей Евросоюза со странами бывшего СССР. Москва и Брюссель поддерживают противоположные стороны в ходе конфликтов в государствах постсоветского пространства. Проблема «столкновения империй» ярко проявилась в ходе текущего кризиса на Украине.

Противостояние цивилизаторских миссий ЕС и России коснулось сферы ценностей и норм. Взаимоотношения Брюсселя и Москвы в нормативной сфере являются наиболее проблемными и конфликтными. Европа и Запад в целом изображаются Москвой как силы, посягающие на ценности уникальной российской цивилизации. Россия усиленно противопоставляет собственные нормативные идеи европейской ценностной базе. Важной целью российского нормативного дискурса стала дискредитация европейских либеральных ценностей. Его ключевой составляющей является тезис об «упадке» и «вырождении» Европы, вызванных, помимо прочих причин, ее «моральной деградацией» [см. об этом: 20]. Резкая реакция Москвы вызвана не только намерением Союза приблизить Россию к европейским стандартам, но и усилиями ЕС по оказанию существенного нормативного влияния на соседние государства и мировую политику в целом.

Таким образом, самовосприятие Москвы и Брюсселя вступают в противоречие: европейская идея ЕС как «силы во благо», несущей универсальные ценности другим международным акторам, наталкивается на амбициозное самовосприятие России. В результате взаимное «отчуждение» ЕС и России стало частью процесса конструирования российской и европейской идентичностей [20. С. 21; 21. С. 32]. Существующие различия на уровне ценностей создают большой конфликтный потенциал между Брюсселем и Москвой и препятствуют развитию плодотворного сотрудничества. Остается открытым вопрос о возможных масштабах эскалации конфликта двух империй и о перспективах их мирного сосуществования.

Имперские перспективы ЕС и России. Согласно авторам и сторонникам концепции империи, современные империи, так же как и исторические, изменчивы. Они могут возникать и исчезать. Их ждет разное будущее – возрождение или закат [4. С. 512]. Интересно посмотреть на имперские перспективы Европейского союза и России.

Имперская модель ЕС является в целом довольно успешной. Брюссель обладает мощнейшими источниками влияния на окружающую среду. Его политика свидетельствует о развитии Европейским союзом нового вида силы – трансформационной силы [22]. Эта сила преследует долгосрочные цели перестройки мира по подобию ЕС, создания общих стандартов поведения, утверждения общих правил морали, этики и глобального управления. Благодаря реализации своей политики Евросоюзу удастся выступать в качестве ролевой мо-

дели, а также одной из наиболее значимых нормативных сил в мире, обладающих глобальным влиянием в идеологическом, институциональном и материальном плане. Роль Брюсселя возрастает благодаря экспорту норм, системы управления и административных практик. Европа вовлекает третьи страны в свою орбиту и, как только эти страны попадают под влияние европейских законов и обычаев, они изменяются навсегда [Там же. С. 34–37].

Внешняя политика ЕС представляется легитимной благодаря ее особому стилю, методам и инструментам. Брюссель не воспринимается другими странами как явная угроза. Они не стремятся к уравниванию или сдерживанию его мягкой мощи. Тот факт, что имперский стиль ЕС не вызывает резкого отторжения в мире, усиливает его возможности по формированию внешней среды [3. С. 291].

Необходимо обратить внимание и на слабости имперской политики ЕС. Приходится констатировать, что Евросоюзу не всегда удается достигнуть своих целей. Ряд европейских имперских стратегий применимы только в конкретных ситуациях. Так, политика расширения и соседства эффективны лишь в отношении ближайшей периферии, поэтому имеют свои очевидные территориальные ограничения. Более того, в настоящее время метод распространения норм через расширение теряет свое значение. Чем дальше на восток и юго-восток ЕС расширяется, тем с более бедными и нестабильными территориями ему приходится иметь дело, тем с большим количеством трудностей он встречается. Ирония также состоит в том, что, пытаясь экспортировать стабильность, ЕС сталкивается с риском импорта нестабильности [23. С. 62, 63].

Для успешной реализации своей политики Брюсселю необходимы определенные условия: 1) привлекательность европейской модели в глазах третьих стран – реципиентов; 2) заинтересованность реципиентов норм в развитии привилегированных отношений с ЕС; 3) наличие асимметрии во взаимоотношениях ЕС и реципиентов; 4) наличие возможности у ЕС предложить членство в Союзе. Трансформация третьих стран происходит тогда, когда ЕС обладает высокой степенью привлекательности и авторитетности, а реципиент открыт по отношению к новым идеям, готов встать на путь реформ и следовать за дистрибьютором норм. При таком сценарии европейские ценности воспринимаются реципиентом как возможность изменить свою идентичность к лучшему. Одновременно Европейский союз должен обладать существенными ресурсами для реализации принуждения. Сила и влияние ЕС должны неизмеримо превышать силы и ресурсы реципиентов. Вышеперечисленные условия имелись в странах Центральной и Восточной Европы, где имперская политика ЕС и стала наиболее успешной.

После масштабного расширения на Восточную Европу ЕС не смог также *преуспеть* в сфере своей новой

внешней периферии. Отсутствие асимметрии, глубокие культурные или идеологические различия между ЕС и потенциальными реципиентами лишают Брюссель эффективных рычагов влияния. В такой ситуации европейские внешнеполитические механизмы остаются малопродуктивными и имперская политика ЕС может терпеть неудачу. Проблематично идет процесс трансформации тех стран, которые не заинтересованы в членстве в ЕС или, на данный момент, не имеют такой перспективы.

Имперская политика Евросоюза малоэффективна в отношении стратегически значимых стран. ЕС не имеет в своем распоряжении действенных механизмов ограничения их суверенитета и не может навязывать им свои нормы. Этот факт очевиден на примере взаимоотношений Евросоюза с Россией и Китаем, которые жестко противостоят европейскому нормативному влиянию. Во многих сферах ЕС конкурирует с Соединенными Штатами. Выдвигать свои условия ЕС может относительно слабым и небольшим государствам.

Оппозицию ЕС представляют развивающиеся страны, к примеру Индия и Бразилия, которые выступают против внедрения ряда европейских стандартов в области труда и защиты окружающей среды. Достаточно низко в европейской научной литературе оцениваются результаты нормативной политики ЕС на постсоветском пространстве.

В итоге, можно говорить о лимитах имперской политики Брюсселя. Европейские ценности распространяются в мире неравномерно. Европейский союз не стал столь же успешен за пределами Европы. Сложно ожидать расширения европейской континентальной империи на глобальном уровне в ближайшее время [1. С. 482]. Брюсселю еще предстоит совершенствовать методы своей имперской политики. Задача Европы сегодня состоит в том, чтобы выработать эффективную стратегию распространения норм в неевропейском мире, не разделяющем ценности ЕС. Инструменты и механизмы Евросоюза в регионах, культурно отличающихся от Европы, должны быть скорректированы и усовершенствованы.

Российская имперская конструкция выглядит менее устойчивой. Ее перспективы представляются весьма туманными. Сегодня Россия развивается по сценарию, который уже продемонстрировал свою неэффективность и привел в свое время к развалу СССР. На примере России можно наблюдать, как имперская политика стала главной преградой на пути построения современного демократического государства с сильной экономикой и развитой социальной системой, способного эффективно решать свои внутренние проблемы. Один из весомых аргументов в пользу неустойчивости российской имперской модели состоит в нежизнеспособности авторитарных режимов в современном мире, а империя в России, по крайней мере до сих пор, была несовместима с демократией. Политическая система

страны ассоциируется с коррупцией, бюрократизмом, некомпетентностью и стагнацией.

Империя далеко не всегда достигает своих внешнеполитических целей. Внешняя политика России представляется противоречивой и опасной. Ее имперские инструменты вызывают всеобщее неприятие. Крайне ограничен потенциал российской мягкой силы. Несмотря на апелляцию к моральным ценностям, Россия не способна генерировать универсальные парадигмы и предложить альтернативу европейскому нормативному проекту. Москва не смогла выстроить доверительные отношения со странами периферии. Негативно отразилась на перспективах имперской политики ситуация на Украине. Последние внешнеполитические акции Кремля возродили среди соседей России прежние страхи. Укрепился негативный образ России за рубежом. Изоляция страны и отсутствие у нее надежных союзников стали очевидными показателями низкого престижа государства в мире. Россия, будучи автократией, вряд ли сможет кардинально изменить сложившуюся ситуацию в ближайшей перспективе.

В конце 2013 г. Збигнев Бжезинский писал в *Financial Times*, что Россия не сможет возродить былую империю в силу своей слабости, отсталости и бедности [24]. Жесткая политика В. Путина в этом направлении, по мнению автора, имеет весьма ограниченные шансы на успех. Реальность опровергает и разрушает сложившуюся в стране мифологию о месте и роли России в мире [10, 12]. З. Бжезинский пишет о перспективе превращения России в застойный стагнирующий «империалистический реликт» [24].

Некоторые авторы склонны подчеркивать, что бедность и отсталость никогда не были препятствием для имперской политики России в прошлом и не являлись эффективным сдерживающим фактором для наращивания ее военного потенциала [25]. Тоталитарная/авторитарная система и вертикаль власти создавали большие мобилизационные возможности. Широкое международное осуждение внешней политики России, ее целей и инструментов также не останавливало Москву. В этом смысле авторитарный империализм в России имеет перспективы развития.

Возможность стать по-настоящему современным, демократическим и процветающим государством все же связывается многими экспертами с отказом России от идеи восстановления империи, угасанием ее имперских амбиций, становлением России в качестве постимперского актора [25–27]. Лишь в том случае, если россияне отвергнут империю, откажутся от глубоко укоренившихся представлений о своих особых правах на периферию и перестанут вторгаться в дела других, они смогут сконцентрироваться на решении многочисленных внутренних проблем, на своем самосохранении [25]. Для того чтобы это произошло, необходимы кардинальные изменения в национальном сознании. В этом смысле Россия «должна освободиться от самой себя» [Там же]. Такой сценарий развития событий оказал бы плодотворное влияние и на процессы демократизации на постсоветском пространстве.

Необходимо, при этом, учитывать, что отказ от империи и выбор европейского пути развития связаны с опасениями России превратиться в периферию Европы, что стало бы болезненным ударом по самолюбию россиян. До сих пор Россия, сталкиваясь перед выбором между созданием слаборазвитой империи, с одной стороны, и отказом от империи и построением современного государства, с другой – делала выбор в пользу первого.

В рамках концепции империи остается множество вопросов, требующих дальнейшего изучения и уточнения. В целом, мы разделяем точку зрения тех европейских исследователей, которые считают, что анализ политики империй может помочь нам понять природу некоторых современных акторов, а также пролить дополнительный свет на характер современных международных отношений. Концепция также дает широкие возможности для компаративного анализа империй, выявления их сходств и различий. Рассматриваемая исследовательская парадигма чрезвычайно ценна тем, что выходит за рамки какого-либо одного теоретического подхода. Комбинация различных теоретических подходов, на наш взгляд, способствует большей объективности и дает простор развитию более сбалансированной дискуссии о роли ведущих международных игроков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Zielonka J. Europe as a Global Actor: Empire by Example? // *International Affairs*. 2008. Vol. 84:3. P. 471–484.
2. Zielonka J. America and Europe: Two Contrasting or Parallel Empires? // *Journal of Political Power*. 2011. Vol. 4:3. P. 337–354.
3. Zielonka J. The EU as International Actor: Unique or Ordinary? // *European Foreign Affairs Review*. 2011. Vol. 16:3. P. 281–301.
4. Zielonka J. Empires and the Modern International System. *Geopolitics*. 2012. Vol. 17:3. P. 502–525.
5. Laidi Z. The Normative Empire: The Unintended Consequences of European Power // *Carnet Policy Brief*. 2008. Vol. 6 (February). Paris : CERJ.
6. Beck U., Grande E. *Cosmopolitan Europe*. Cambridge : Polity, 2007. 328 p.
7. Hettne B., Soderbaum F. Civilian Power or Soft Imperialism? The EU as a Global Actor and The Role of Interregionalism // *European Foreign Affairs Review*. 2005. Vol. 10:4. P. 535–552.
8. Nicolaidis K. The Power of the Superpowerless // *Beyond Paradise and Power: Europe, America, and the Future of a Troubled Partnership*. New York : Routledge, 2004. P. 93–120.
9. Duchene F. The European Community and the Uncertainties of Interdependence // *A Nation Writ Large? Foreign-Policy Problems before the European Community*. London : Macmillan, 1973. P. 1–21.
10. Зевелёв И.А. Границы русского мира. Трансформация национальной идентичности и новая внешнеполитическая доктрина России // *Россия в глобальной политике*. 2014. 27 апр.
11. *Обращение* Президента Российской Федерации 18 марта 2014 г. // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/news/20603>, свободный (дата обращения: 5.09.2014).

12. Brzezinski Z. Confronting Russian Chauvinism // *The American Interest*. 2014. June 27. URL: <http://www.the-american-interest.com/articles/2014/06/27/confronting-russian-chauvinism>, free (accessed: 10.09.2014).
13. Bretherton C., Vogler J. *The European Union as a Global Actor*. London: Routledge, 1999. 316 p.
14. Manners J. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // *Journal of Common Market Studies*. 2002. Vol. 40:2. P. 235–258.
15. Караганов С. Им очень хотелось утереть нос наглým русским // *Россия в глобальной политике*. 2014. 30 мая.
16. Forsberg T. Normative Power Europe (Once More): A Conceptual Clarification and Empirical Analysis // Paper Prepared for Presentation at the Annual Convention of the International Studies Association. New York, 15-18 February 2009. URL: http://www.allacademic.com/meta/p_mla_apa_research_citation/3/1/1/2/8/pages311280/p311280-1.php, free (accessed: 10.09.2014)
17. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Совет безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>, свободный (дата обращения: 5.08.2014).
18. Goodrich L. Russia: Rebuilding an Empire While It Can // *Stratfor* 31.10.2011. URL: <http://www.stratfor.com/weekly/20111031-russia-rebuilding-empire-while-it-can#axzz38xFguF00>, free (accessed: 10.09.2014).
19. Mahony H. Barroso Says EU is an 'Empire' // *Euobserver*. 11.07.2007. URL: <http://euobserver.com/institutional/24458>. free (accessed: 10.09.2014).
20. Makarychev A.S. Neighbours, Exceptions and the Political: A Vocabulary of EU-Russian Inter-Subjective (Dis)Connections // *The Elephant and the Bear Try Again*. Brussels, 2006. P. 15–40.
21. Медведев С. Дискурсы отчуждения: «суверенитет» и «европеизация» в отношениях России и ЕС // *Мировая экономика и международные отношения*. 2008. № 10. С. 23–33.
22. Leonard M. *How Europe will Run the 21st Century*. London: Fourth Estate, 2005. 176 p.
23. Le Gloanec A.M., Rupnik J. Democratization by Extension. Seeking Reinsurance // *EU Foreign Policy in a Globalized World. Normative Power and Social Preferences*. London: Routledge, 2008. P. 51–67.
24. Brzezinski Z. Russia, Like Ukraine, will Become a Real Democracy // *Financial Times*. 2013. December 10.
25. Karp P. Return of the Empire // *Open Democracy*. 31 January 2014. URL: <https://www.opendemocracy.net/od-russia/poel-karp/return-of-empire>. free (accessed: 1.09.2014).
26. Тренин Д. Post-imperium: евразийская история. М.: Рос. полит. энцикл. (РОСС ПЭН), 2012. 326 с.
27. Brzezinski Z. A Geostategy for Eurasia // *Foreign Affairs*. 1997. Vol. 76:5 (September/October).

Igumnova Lyudmila O. Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: lyudmila_igum@mail.ru

IMPERIAL IDENTITY OF THE EUROPEAN UNION AND RUSSIA.

Key words: empire concept; imperial identity; European Union; Russia; Russian-European relations.

In keeping with the logic of empire concept promoted by a number of authoritative European experts, the author of the article undertakes comparative analysis of the European Union and Russia's imperial identity. Based on the criteria of empires suggested in the literature (fuzzy borders, center-periphery dependence, imperial civilizing missions), the article examines common and peculiar features of European and Russian imperial models. The EU and Russia meet the three criteria of empires mentioned above. They possess a sizable territory and at the same time have blurred and fuzzy borders. Both actors interfere in their peripheries and seek to establish control over them, using considerable recourses and applying a variety of instruments. Brussels and Moscow are guided by their imperial missions aimed to 'civilize' their external environment. Trying to justify their policy, they persuade others that their actions are motivated by moral and virtuous intensions. Along with a strong regional foreign policy focus, Russia and the European Union see themselves as key world players striving for peace, stability and multilateral cooperation and willing to make major decisions of global importance. Notwithstanding common imperial characteristics, the two empires also differ greatly and represent opposite imperial models. Forms of government in Russia and in the EU, instruments and mechanisms they apply in their foreign policy, nature of center-periphery relations etc. have little in common. Hard style of Russian imperial policy confronts soft European pattern, Russian authoritarian imperialism opposes European normative one. No wonder that Russia (like other imperial actors – the US and China) is often viewed as European 'other' and as the antipode of the EU. Clash of Russian and European imperial models occurs in the area of common 'external periphery'. Two empires compete within the same territory. Moreover, their civilizing missions confront each other in the sphere of values and norms. Imperial model of the EU is quite successful in general. The Union performs as one of the most significant transformative powers in the world. However, its policy has its limits as well: for several reasons European values are diffused in the world unevenly. Russian imperial construction appears to be less stable. Imperial policy has become a major obstacle to the development of a modern, democratic and economically strong state in Russia. Moscow failed to build trusting relationships with the countries of the periphery. Russia as the autocracy will hardly radically change the situation in the short term.

REFERENCES

1. Zielonka J. Europe as a global actor: Empire by Example? *International Affairs*, 2008, Vol. 84:3, pp. 471-484. DOI: 10.1111/j.1468-2346.2008.00718.x
2. Zielonka J. America and Europe: Two contrasting or parallel empires? *Journal of Political Power*, 2011, Vol. 4:3, pp. 337-354. DOI: 10.1111/j.1468-2346.2008.00718.x
3. Zielonka J. The EU as international actor: Unique or Ordinary? *European Foreign Affairs Review*, 2011, Vol. 16:3, 281-301.
4. Zielonka J. Empires and the modern international system. *Geopolitics*, 2012, Vol. 17:3, pp. 502-525. DOI: 10.1080/14650045.2011.595440
5. Laidi Z. The Normative Empire: The unintended consequences of European power. *Carnet Policy Brief*, 2008, Vol. 6 (February). Paris: CERJ.
6. Beck U., Grande E. *Cosmopolitan Europe*. Cambridge: Polity, 2007. 328 p.
7. Hettne B., Soderbaum F. Civilian power or soft imperialism? The EU as a global actor and the role of interregionalism. *European Foreign Affairs Review*, 2005, vol. 10:4, pp. 535-552. DOI: 10.1080/07036330500190073
8. Nicolaidis K. *The Power of the superpowerless*. In: Lindeberg T. (ed.) *Beyond paradise and power: Europe, America, and the future of a troubled partnership*. New York: Routledge, 2004, p. 93-120.
9. Duchene F. *The European Community and the uncertainties of interdependence*. In: Kohnstamm M, Hager W. (eds.) *A Nation writ Large? Foreign-policy problems before the European Community*. London: Macmillan, 1973, pp. 1-21.
10. Zevelev I.A. The Russian world boundaries. *Rossiya v global'noy politike – Russia in Global Affairs*, 2014, 27 April. (In Russian).
11. *Address by the President of the Russian Federation*, March 18, 2014. Available at: <http://kremlin.ru/news/20603>. (Accessed: 5th September 2014). (In Russian).
12. Brzezinski Z. Confronting Russian Chauvinism. *The American Interest*, 2014, 27 June. Available at: <http://www.the-american-interest.com/articles/2014/06/27/confronting-russian-chauvinism>. (Accessed: 10th September 2014).
13. Bretherton C., Vogler J. *The European Union as a global actor*. London: Routledge, 1999. 316 p.

14. Manners I. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? *Journal of Common Market Studies*, 2002, vol. 40: 2, pp. 235-258.
15. Karaganov S. Im ochen' khotelos' uteret' nos naglym russkim [They wanted to outdo brazen Russian]. *Rossiya v global'noy politike – Russia in Global Affairs*, 2014, 30th May.
16. Forsberg T. *Normative Power Europe (Once More): A conceptual clarification and empirical analysis..* Available at: http://www.allacademic.com/meta/p_mla_apa_research_citation/3/1/1/2/8/pages311280/p_311280-1.php. (Accessed: 10th September 2014)
17. *Strategiya natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii do 2020 goda* [The National Security Strategy of the Russian Federation until 2020]. Available at: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>. (Accessed: 5th April 2014).
18. Goodrich L. Russia: Rebuilding an Empire while it can. *Stratford* 2011, 31st October. Available at: <http://www.stratfor.com/weekly/20111031-russia-rebuilding-empire-while-it-can#axzz38xfguF00>. (Accessed: 10th September 2014).
19. Mahony H. Barroso Says EU is an 'Empire'. *Euobserver*, 2007, 11th July. URL: <http://euobserver.com/institutional/24458>. (Accessed: 10th September 2014).
20. Makarychev A.S. *Neighbours, exceptions and the political. A Vocabulary of EU-Russian inter-subjective (dis)connections*. In: Emerson M., Arbatova N. (eds.) *The Elephant and the Bear try again*. Brussels: CEPS, 2006, pp. 15-40.
21. Medvedev S. Diskursy otchuzhdeniya: "suverenitet" i "evropeizatsiya" v otnosheniyakh Rossii i ES [Discourses of alienation: "sovereignty" and "Europeanization" in relations between Russia and the EU]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*, 2008, no. 10, pp. 23-33. (In Russian).
22. Leonard M. *How Europe will Run the 21st Century*. London: Fourth Estate, 2005. 176 p.
23. Le Gloannec A.M., Rupnik J. *Democratization by Extension. Seeking Reinsurance*. In: Zaki Laïdi (ed.) *EU Foreign Policy in a Globalized World. Normative Power and Social Preferences*. London: Routledge, 2008, pp. 51-67.
24. Brzezinski Z. Russia, Like Ukraine, will Become a Real Democracy. *Financial Times*, 2013, 10th December.
25. Karp P. *Return of the Empire*. Available at: <https://www.opendemocracy.net/od-russia/poel-karp/return-of-empire>. (Accessed: 1st September 2014).
26. Trenin D. *Post-imperium: evraziyskaya istoriya* [Post-imperium: Eurasian history]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSS PEN) Publ., 2012. 326 p.
27. Brzezinski Z. *A Geostrategy for Eurasia*. *Foreign Affairs*, 1997, vol. 76:5